

ЦИКЛ «ЗЕМНОЙ КРУГ»

Первый Закон:

**Кровь и железо
Прежде чем их повесят
Последний довод королей**

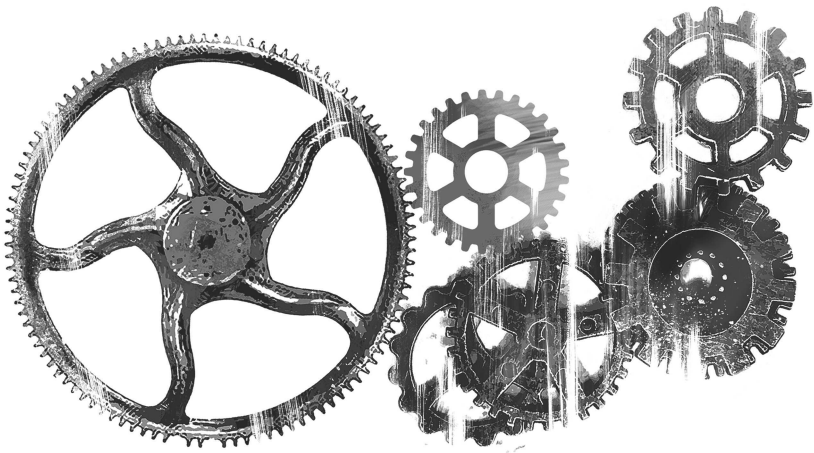
**Лучше подавать холодным
Герои
Красная страна
Острые края**

Эпоха Безумия:

**Немного ненависти
Проблема с миром
Мудрость толпы**

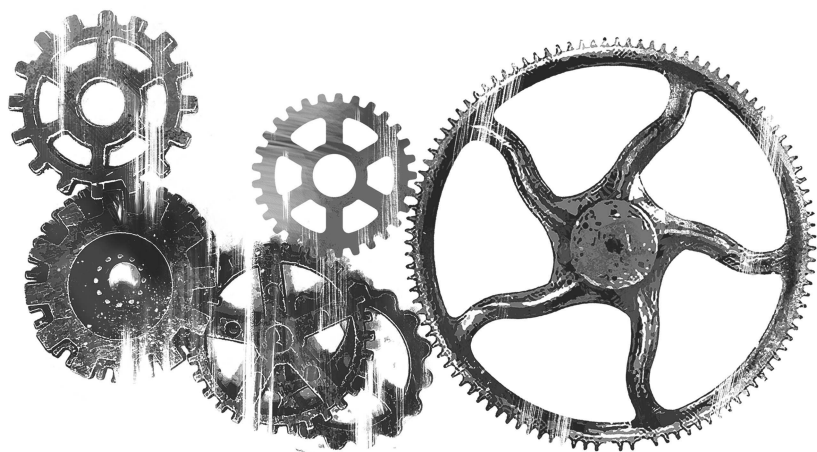
Joe Abercrombie

The Wisdom of Crowds

ДЖО АБЕРКРОМБИ

МУДРОСТЬ ТОЛПЫ

fanzon

Москва

2022

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
А14

Joe Abercrombie
THE WISDOM OF CROWDS

Copyright © Joe Abercrombie 2021
First published by Gollancz, an imprint of The Orion Publishing Group, London

Перевод с английского *В. Иванова*
Иллюстрация на переплете и оформление *А. Дурасова*

Аберкромби, Джо.

А14 *Мудрость толпы / Джо Аберкромби ; [перевод с английского В. Иванова]. — Москва : Эксмо, 2022. — 736 с. — (Fantasy World. Лучшее современное фэнтези).*

ISBN 978-5-04-157043-9

Некоторые говорят, что, для того, чтобы изменить мир, вы должны сначала сжечь его дотла. Теперь ломатели захватили рычаги власти, и промышленный смог сменился на дым беспорядков. Все должны подчиниться мудрости толпы. Гражданин Брок полон решимости стать настоящим героем этой новой эпохи. Гражданка Савин должна использовать свой талант для выживания, прежде чем она сможет получить искупление. Орсо обнаруживает, что в перевернутом мире нет никого ниже монарха. А на кровавом Севере Рикке теряет союзников, пока Черный Кальдер замышляет свою месть. Банки разоряются, символы солнца Союза уничтожаются, а во тьме за кулисами нити безжалостного плана Ткача сплетаются воедино...

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© В. Иванов, перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-157043-9

*Посвящается Лу — с беспощадными,
суровыми объятиями.*

ЧАСТЬ VII

«Великие кажутся великими
лишь потому, что мы стоим на коленях.
Поднимемся же!»

Элизе Лустало¹

¹ Девиз журнала «Парижские революции» (*Révolutions de Paris*), который Лустало редактировал в 1789–1790 гг. Точно неизвестно, кто автор цитируемой фразы, она приписывалась в т.ч. Пьеру Верньо, главе партии жирондистов. — *Здесь и далее прим. пер.*

Чувствовать себя королем

— **А** знаешь, что я тебе скажу, Танни?
Взгляд слегка налитых кровью глаз капрала скользнул в сторону Орсо.

— Да, ваше величество?

— Должен признаться, я вполне доволен собой!

Стойкое Знамя колыхалось на ветру, белый конь на нем по-прежнему вставал на дыбы, золотое солнце сверкало, и название «Стоффенбек» уже было вышито среди имен других знаменитых побед, свидетелем которых оно было. Сколько Высоких королев торжественно выступали под этим куском блестящей ткани? И вот теперь Орсо — находясь в численном меньшинстве, осмеянный и в целом списанный всеми со счетов — присоединился к их рядам. Тот, кого памфлеты некогда окрестили «принцем проституток», словно прекрасная бабочка, появляющаяся из отвратительной куколки, вдруг оказался новым Казамиром! Да, жизнь порой выкидывает странные фортели. В особенности жизнь королев.

— И вы имеете полное право быть довольны собой, ваше величество, — напыщенно возгласил маршал Рукстед (сам большой эксперт по части самодовольства). — Еще до боя вы показали, что вы умнее ваших врагов, в бою — что вы их сильнее, и к тому же захватили в плен самого мерзкого предателя из всей кучи!

И он бросил удовлетворенный взгляд через плечо.

Лео дан Брок, тот самый герой, который несколько дней назад только что не подпирал макушкой небо, теперь трясся в жалком фургоне с зарешеченными окнами, в обозе позади Орсо. Даже от

его брэнной оболочкн осталосъ меньше, чем было прежде, — его изувеченная нога была погребена на поле боя вместе с его изувеченной репутацией.

— Вы победили, ваше величество! — пропищал Бремер дан Горст, но тут же захлопнул рот и нахмурился, озирая приближающиеся башни и дымовые трубы Адуи.

— И в самом деле. — На лице Орсо сама собой появилась непроизвольная улыбка. Он уже и не помнил, когда такое случалось в последний раз. — Подумать только, Молодой Ягненок наголову разбил Молодого Льва!

Казалось, даже одежда сидела на нем лучше, чем перед сражением. Орсо потер подбородок, во всей этой неразберихе несколько дней не видевший бритвы.

— Может быть, мне отрастить бороду?

Хильди, сдвинув на затылок фуражку, которая была ей велика, окинула его щетину критическим взглядом.

— А вы на это способны?

— Ты права, Хильди, в прошлом у меня многое не получалось. Но так можно сказать и о множестве других вещей! Будущее сулит нам большие перемены!

Наверное, впервые в жизни ему не терпелось увидеть свое будущее — может быть, даже схватиться с этой мерзкой тварью и заставить ее принять такой облик, какой желает *он*. Именно поэтому Орсо оставил маршала Фореста распоряжаться и возвращать потрепанной в бою Дивизии кронпринца какое-то подобие порядка, а сам с сотней верховых отправился в Адую впереди основного корпуса. Ему не терпелось поскорее добраться до столицы, чтобы направить государственный корабль на верный курс. Теперь, когда с мятежниками было покончено, он наконец сможет отправиться, как давно мечтал, в большое турне по всему Союзу и приветствовать своих подданных как король-победитель. Выяснить, чем он может им *помочь*, сделать их жизнь *лучше*. С благосклонной улыбкой он представлял, каким именем нарекут его восторженно ревушие толпы. «Орсо Стойкий»? «Орсо Непокколебимый»? «Орсо Бесстрашный»? «Твердыня Стоффенбека»?

Он сел прямее, мягко покачиваясь в седле, и глубоко втянул в себя зябкий осенний воздух. Ветер дул с севера, относя дымы Аду к морю, так что он даже не закашлялся.

— Наконец-то я понимаю, что значит выражение «чувствовать себя королем»!

— О, на этот счет не стоит беспокоиться, — заметил Танни. — Я уверен, что вы глазом моргнуть не успеете, как вас снова накроют смятение и беспомощность.

— Несомненно.

Помимо воли Орсо снова бросил взгляд в конец колонны. Израненный лорд-губернатор Инглии был не единственным их знатым пленником. Позади тюремного фургона, где был заточен Молодой Лев, в окружении многочисленной охраны грохотал экипаж, в котором ехала его беременная жена. Что это там, не бледная ли рука Савин схватилась за край окошка? Орсо поморщился даже при мысленном упоминании ее имени. Когда единственная женщина, которую он когда-либо любил, вышла замуж за другого (а затем предала и его), он искренне считал, что ничего хуже быть уже не может. Пока не узнал, что она его единокровная сестра.

Ароматы трущоб, беспорядочной россыпью окружавших городские стены, лишь усилили внезапно накотившую на него тошноту. Подъезжая к городу, Орсо рисовал себе простолюдинов с улыбками на лицах, веснушчатых детишек, размахивающих флажками Союза, ливень благоуханных лепестков, которыми его осыпают красотки с балконов. Он всегда воротил нос от подобной патриотической чепухи, когда она касалась других победителей, но нисколько не возражал против того, чтобы самому стать ее мишенью. Но вместо этого на него из темных углов хмуро взирали какие-то оборванные типы. Хрипло расхохоталась проститутка, жующая куриную ногу за скособоченным окном. Какой-то безобразный нищий весьма недвусмысленно сплюнул на дорогу, когда Орсо рысцей проезжал мимо.

— Недовольные всегда найдутся, ваше величество, — вполголоса утешил его Йору Сульфур. — Спросите моего господина, поблагодарил ли его хоть кто-нибудь за все его труды.

— Хм-м... — Насколько Орсо мог припомнить, окружающие всегда относились к Байязу не иначе как с подобострастнейшим почтением. — И как он на это реагирует?

— Просто не обращает внимания. — Сульфур перевел безразличный взгляд на обитателей трущоб. — Как на муравьев.

— И правильно! Нельзя позволять им портить себе настроение.

Однако было уже поздно. В дуновении ветра появился неприятный холодок, и Орсо ощутил знакомое беспокойное покалывание на загривке.

* * *

Внутри фургона еще больше потемнело, грохот колес зазвучал более гулко. Лео увидел, как мимо зарешеченного окна промелькнула каменная кладка, и понял, что они, должно быть, въехали в Адую через одни из городских ворот. Он-то мечтал вступить в столицу во главе триумфальной процессии! Вместо этого его ввозили в запертном фургоне, воняющем лежалой соломой, гноем и позором.

Пол под ногами подпрыгнул, отозвавшись волной нестерпимой боли в его культе, выжав новые слезы из опухших глаз. Каким же он был гребаным идиотом! Какими возможностями не сумел воспользоваться! Каким шансам дал проскользнуть у себя между пальцев! В какие ловушки позволил себе угодить!

Ему надо было послать подальше этого вероломного труса Ишера сразу же, как только в его болтовне проскочило первое упоминание о мятеже. Или, еще лучше, пойти напрямик к отцу Савин, выложить Костлявому все как есть. Тогда он до сих пор был бы самым знаменитым человеком в Союзе. Героем, побившим Большого Волка! А не остолопом, проигравшим Молодому Ягненку...

Ему следовало усмирить свою гордость в переговорах с королем Яппо. Подольститься, позаигрывать с ним, поиграть в дипломата, с улыбкой предложить ему Вестпорт, выменяв этот никому не нужный клочок Союза на всю остальную территорию — и высадиться в Миддерланде, имея за спиной стирийское войско...

Он должен был взять с собой мать. При мысли о том, как она упрашивала его на пристани, ему хотелось рвать на себе волосы. Уж она-то сумела бы навести порядок в той неразберихе на берегу! Бросила бы один спокойный взгляд на карты — и сразу бы направила войска к югу по нужной дороге. Они бы пришли в Стоффенбек первыми и навязали противнику заведомо проигрышное сражение...

Ему следовало прислать Орсо свой ответ на приглашение к обеду на острие копья! Еще до заката атаковать всеми силами, выбить этого лживого мерзавца с занятой им высоты, а потом порвать в клочки пришедшее к нему подкрепление...

Даже когда левый фланг Лео дал осечку, а правый оказался смят, он мог хотя бы отказаться от финальной атаки. Тогда, по крайней мере, у него остались бы Антауп и Йин. У него остались бы нога и рука... Возможно, Савин удалось бы выторговать у короля какое-нибудь соглашение. В конце концов, она его бывшая любовница. А возможно, что и настоящая, судя по тому, что Лео видел на собственном повешении. Он даже не мог ее винить — она ведь спасла ему жизнь, разве нет? Чего бы эта жизнь теперь ни стоила...

Он был пленником. Изменником. Калекой.

Фургон замедлил движение, теперь он еле тащился, вздрагивая на неровной дороге. До Лео донеслись голоса спереди — пение, возбужденные выкрики... Верноподданные короля, вышедшие им навстречу поздравить Орсо с победой? Но это звучало совсем не похоже на торжество.

Когда-то тренировочный круг был его танцевальной площадкой. Теперь ему стоило немало труда просто выпрямить единственную оставшуюся ногу, чтобы схватиться здоровой рукой за прутья решетки и подтянуться наверх. Когда Лео наконец почувствовал на лице прохладный ветерок и прищурился, вглядываясь в улицу, затянутую дымом литейных цехов, фургон вздрогнул в последний раз и остановился.

Ему в глаза бросились странные детали — разбитые ставни магазинов, косо свисающие с петель сорванные двери, засыпанная всякой дрянью улица... Увидев в дверном проеме кучу тряпья, он сперва решил, что это спящий бродяга. Потом, с нарастающим чув-

ством беспокойства, на мгновение заставившим его забыть о собственной боли, Лео понял, что это может быть труп.

«Во имя мертвых...» — прошептал он.

Рядом виднелся обгорелый остов складского здания — обугленные стропила выступали, словно ребра расклеванной птицами туши животного. Поперек его почерневшей передней стены буквами в три шага высотой был начертан лозунг:

ВРЕМЯ ПРИШЛО

Лео прижал лицо к прутьям, изо всех сил пытаясь рассмотреть, что происходит в дальнем конце улицы. Позади офицеров, слуг и рыцарей-телохранителей на нервничающих лошадях, возле усаженной поверху штырями стены виднелись фигуры — целая толпа. Над головами, словно знамена над полком, колыхались транспаранты: «ЗА ЧЕСТНУЮ РАБОТУ — ЧЕСТНАЯ ПЛАТА», «ДОЛОЙ ЗАКРЫТЫЙ СОВЕТ», «ВСТАВАЙ!»... Толпа уже стекалась к королевскому кортежу, гудя от сдержанной злобы; слышались оскорбительные выкрики и свист. Неужели это... ломатели?

«Клянусь мертвыми...» — вновь прошептал Лео.

В боковой улице тоже были люди. Он видел рабочую одежду, сжатые кулаки. Бегущие фигуры, преследующие кого-то. Догоняющие, наносящие удары кулаками, ногами.

От головы колонны послышался зычный крик — возможно, Рукстеда:

— Именем его величества! Освободите дорогу!

— Сам ... освободи дорогу! — рявкнул человек с густой бородой и практически без шеи.

Люди просачивались из соседних переулков, создавая неприятное ощущение, будто колонну окружают.

— Там Молодой Лев! — крикнул кто-то, и Лео услышал неуверенные приветственные возгласы.

Его действующая нога, которую он несколько дней назад считал своей недействующей ногой, полыхала огнем, но он продолжал цепляться за решетку. Люди стекались к фургону, протягивая к нему руки.

— Молодой Лев!

* * *

Савин смотрела из окна своего экипажа, совершенно беспомощная — одна рука придерживает распухший, грузный живот, другая вцепилась в руку Зури, — как этот сброд обступает тюремный фургон Лео, словно свиньи кормушку. Было трудно понять, собираются ли они его освободить или разорвать на куски. Вероятно, они и сами не знали.

Она поняла, что не помнит, каково это — ничего не бояться.

Скорее всего, все началось с забастовки. Савин знала в Адуе каждую мануфактуру, и сейчас они находились возле бумажной фабрики Фосса дан Харбера — предприятия, в которое она дважды отказывалась вкладывать деньги. Прибыли выглядели многообещающе, но у Харбера была отвратительная репутация. Он был из тех жестоких владельцев, безжалостных эксплуататоров, из-за которых всем остальным очень трудно наладить нормальное взаимодействие со своими работниками. Да, скорее всего, все началось с забастовки — а потом, как порой бывает с забастовками, быстро обернулось чем-то гораздо более ужасным.

— Назад! — выкрикнул молодой офицер и хлестнул по толпе хлыстом, который держал в руке. Один из конных стражников оттащил какого-то человека за плечо, потом отмахнулся щитом от другого, попав ему по голове. Тот упал. Показалась кровь.

— Ох, — вымолвила Савин, широко раскрывая глаза.

Кто-то ударил офицера палкой, и он покачнулся в седле.

— Стойте! — Кажется, это был голос Орсо. — Стойте!

Но все было бесполезно. Высокий король Союза внезапно оказался таким же беспомощным, как она сама. Люди напирали со всех сторон — море разъяренных лиц, стиснутые кулаки, раскачивающиеся плакаты... Стоял ужасный гвалт, заставивший Савин вспомнить Вальбек в дни восстания. Впрочем, настоящее было достаточно кошмарным, чтобы еще и вызывать в памяти кошмары прошлого.

Подъехали новые солдаты. Кто-то завопил и тут же умолк, попав под копыта.

— Ублюдки!